

**REPORTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

ISSN 2224-5227

Volume 6, Number 304 (2015), 168 – 180

UDC 94(574): 94(3) "04/15"

**TO THE HISTORY OF TRANSFORMATIONS AND MIGRATIONS
IN ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY OF THE CENTRAL ASIA**

K.U. Torlanbayeva

torlanbayeva@mail.ru

Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov

Keywords: Communications, Kazakhstan, nomadic society, Yuezhi and Xiongnu, migrations, the Chinese annals, archaeological materials, culture, the world-system the analysis.

Abstract. Overall objective is consideration of migrations Yuezhi and Xiongnu, led to a number of transformations in a continental part of Eurasia in ancient and early medieval the periods of history of Kazakhstan.

Methodological basis of research is the world-system theory, the theory of "cultural circles», source study the analysis of written sources. The methods used in work are concrete historical, comparative, systematization and generalization, the critical analysis.

The culture of people of the Central Asia, developed in extensive territory of internal spaces of Eurasia, had the big influence on world civilization formation. The major factors of intercultural interaction are migratory processes. Continental migrations of the people are the scientific problem defining on the origin of ethnos and culture, political, economic and social events of world history, and also communication coverage of a large quantity of people on different continents.

The conclusion is that in antiquities and the early Middle Ages of migration Yuezhi and Xiongnu were formed on the basis of interferences of the internal and external factors connected with transformation by processes of ecological changes in a steppe zone of Eurasia, economic, demographic and organizational-political changes became result of research. Migrations of the nomads have played a key role in world historical events.

The received results can be used during analytical works on history of Kazakhstan and the adjacent countries. A scope of results is the area of the historical, source study and archaeological analysis.

УДК 94(574): 94(3) "04/15"

**К истории трансформаций и миграций в древней
и средневековой истории Центральной Азии**

К.У. Торланбаева

torlanbayeva@mail.ru

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Ключевые слова: коммуникации, Казахстан, общество номадов, юэчжи и сюнну, миграции, китайские летописи, археологические материалы, культура, мир-системный анализ.

Аннотация. Главной целью является рассмотрение миграций юэчжи и сюнну, приведшие к ряду трансформаций в континентальной части Евразии в древний и ранний средневековый периоды истории Казахстана.

Методологической основой исследования является мир-системная теория, теория «культурных кругов», источниковедческих анализ письменных источников. Методы, используемые в работе, это конкретно-исторический, сравнительный, систематизирование и обобщение, критический анализ.

Культура народов Центральной Азии, сложившаяся на обширной территории внутренних пространств Евразии, имела большое влияние на становление мировой цивилизации. Важнейшим фактором межкультурного взаимодействия являются миграционные процессы. Континентальные миграции народов являются научной проблемой, определяющей истоки этногенеза и культурогенеза, многих политических, экономических и социальных событий всемирной истории, а также коммуникационный охват огромного количества народов на разных континентах.

Результатом исследования стало заключение о том, что в древности и раннее средневековье миграции юэчжи и сюнну формировались на основе взаимовлияний внутренних и внешних факторов, связанных с трансформационными процессами экологических изменений в степной зоне Евразии, экономическими, демографическими и организационно-политическими изменениями. Миграции кочевников сыграли ключевую роль в мировых исторических событиях.

Полученные результаты могут быть использованы в ходе аналитических работ по истории Казахстана и сопредельных стран. Областью применения результатов является область исторического, источниковедческого и археологического анализа.

Введение

Мир-системная теория и методология познания всемирноисторических законов важное место уделяет коммуникациям. Фернан Бродель сформулировал тезис о том, что торговые коммуникации связывали народы в единое макроэкономическое пространство. Обмен товарами становится основой для сложения мир-системы. По мнению К. Чейз-Данна и Т. Холла, мир-системные связи складываются из четырех сетей:

1) *сетей массовых товаров*, что характерно для современного глобального мира массового производства товаров широкого потребления (BNG);

2) *сетей престижных товаров*, что было характерно для истории человечества в древний и средневековый периоды, и остается актуальным в современном мире, например, высокая мода, товары роскоши (PGN);

3) *политических и военных сетей*, характерных для всех эпох, и наиболее развитых в современный период из-за технического прорыва и внедрения их в производство для целей безопасности нации-государства (PMN);

4) *информационных сетей*, развитие которых определило понятие прогресса – материально-технического движения вперед и особенно характерно для современного мира в связи с информационными революциями (IN) [1, с.42].

Важнейшей чертой мир-системы является цикличность, ритмичность, периоды роста и кризиса, при этом наиболее значимую роль в этой характеристике мир-системной теории играли коммуникации. Главной единицей мир-системы является крупная система, которая объединяет группы государств, в ней выделяются «центр» и «периферия». Роль центра в мир-системе – организация экономического пространства системы за счет стягивания финансовых и торговых потоков периферии, т.е. уровень редистрибутивных обществ [2, р. 160]. Как считает Н.Н. Крадин: «...нельзя закрывать глаза на то, какую роль кочевые империи сыграли в истории всех земледельческих цивилизаций и тем более в истории первой мир-системы» [3, с. 250]. На наш взгляд эта роль кочевников обнаруживается при рассмотрении теории «культурных кругов».

Согласно, теории «культурных кругов», разработанной в рамках теории деффузионизма, сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением их из одного центра, т.е. это возможно в результате появления однажды и в одном месте фундаментальных открытий [4, с. 110].

К фундаментальным открытиям человечества относится культивация аридной зоны евразийских степей, т.е. постепенное использование земли, которая в результате засушивания превращалась в степные пространства. При выпасах скота формировался определенный травостой, что приводило к сложению скотоводческого хозяйства, когда и скот и земля выступали единым целым для жизнедеятельности скотоводческого общества. По археологическим находкам примитивных псалиев исследователи считают, что раннее одомашнивание лошади и использование ее для верховой езды произошло в конце II тыс. до н.э. на территории Казахстана и Поволжья [5, с. 29]. Лошадь в результате domestikации и селекции превратилась в средство передвижения, т.е. появилась возможность охвата и освоения большего пространства территорий, познания новых культур и влияния на народы земледельческой ойкумены, завоевания, миграции, новые тактики военного дела, контроль над торговыми путями, технологические изобретения. Значительным достижением скотоводческого общества в материально-техническом плане стало изобретение металлургии бронзы, железа, золота, серебра, что дало возможности для появления колесниц, седла, лука, стрел, кольчуги, звериного стиля в искусстве по золоту и т.д. В этой мир-системе именно кочевники стали ключевыми носителями системы коммуникаций в континентальных

пространствах Евразии. Как отмечено С.А. Нефедовым: «Эффект этих открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами» [4, с. 110].

Одним из следствий всех этих открытий стали миграции в различных направлениях из Центральной Азии. Миграции кочевников зафиксированы в письменных источниках земледельческих обществ в виде «волн завоеваний». Как отмечал в своем исследовании У.Мак-Нил, первой исторически зафиксированной волной завоеваний была миграция индоевропейцев в XVIII–XVI вв. до н.э., эти народы завоевали часть Индии и Ирана, индоевропейский язык стал субстратной основой в этногенезе многих народов, в том числе, центрально-азиатских [4, с. 110–111]. Как писал К.А. Акишев: «Казахстан является контактной территорией, где, начиная с древних эпох происходили инфильтрация и агрессия, миграция и эмиграция этносов, интеграция и нивелировка культур, расовые и лингвистические палимпсесты» [6, с. 17].

Таким образом, мир-системный подход и теория «культурных кругов» позволяют посмотреть на историю кочевников (скотоводческих обществ) с новых позиций, когда их историческая роль носила мировой характер, отразившись в трансформационных процессах экологических изменений, хозяйствовании, организационно-политической системе, культурно-религиозных взглядах и лингвистико-этническом состоянии огромного количества людей от Индии и Китая до Европы.

Основная часть

Миграции в истории Евразии по археологическим материалам прослеживаются с рубежа эпохи бронзы и раннего железного века. Их причины ученые видят в изменении экологической ситуации (засушивание), в демографических процессах, приведших к увеличению народонаселения (появление большего количества рядовых погребений вместо элитарных царских курганов), а также изобретение и широкое распространение среди скотоводческих обществ скифо-сакского мира верховой езды на лошади. Совокупность этих факторов после IV в. до н.э. дала возможность кочевникам при неблагоприятных обстоятельствах мигрировать далеко за пределы степной ойкумены, и тем самым оказывать влияние на мировые события [7, с. 61].

Исторически зафиксированными в китайских письменных источниках и археологических материалах миграциями, прошедшими по территории Казахстана, были миграции юэчжи и сюнну (кит. хунну, в европейских источниках - гунны). Эти события связываются с образованиями первой кочевой Империи сюнну, Государством Усунь, Канцзюй, Яньцай и Империей Кушан.

Китайской историографической традиции принадлежит мнение о том, что юэчжи в период легендарных династий Ся (2205-1766 гг. до н.э.) и Чжоу (1122-256 гг. до н.э.) могли быть сопоставимы с кочевниками юэ. Эти племена контролировали «лазуритовую» дорогу, вели торговлю с Ся конями, и могли выставить на войну более 20000 воинов, совершали набеги на княжества Ся и Чжоу [8, с. 14-24]. Сведения об юэ не могут быть идентифицированы с другими письменными источниками, ясно только, что эти племена были скотоводческими, возможно, тохарского или скифо-сакского этнолингвистического круга, ведь определенно археологи знаменитый курган Аржаан I относят к скифским народам, и датируют 810 г. до н.э. [9, с. 46-47]. Саки в остроконечных головных уборах изображались на рельефах Бехистунской скалы и в Персеполе (VI–V вв. до н.э.). Как предполагает Л.Т. Яблонский, в V веке до н.э. в результате миграции скотоводческих племен из Восточного Туркестана в Южном Приуралье появилась элитарная (царские курганы) группа кочевников, которые контролировали торговлю золотом с Ахеменидской империей [7, с. 61-62]. Эти предположения сопоставляются с мнением Б.И. Ваинберга, и на основе этого Т.Джуманалиев пишет: «По данным археологических материалов, в Хорезме с IV–III вв. до н.э. могла находиться группа под общим наименованием – «юэчжи», пришедших с востока по степному поясу до Южного Приуралья, а затем на Устюрт, в Хорезм и Восточный Прикаспий» [10, с. 53]. Возможно, что и легендарные племена юэ китайских хроник были из того же круга кочевых народов. Например, А.Н. Бернштам считал усуней автохтонным населением, т.е. предполагал, что между саками и усунями не было никаких различий [11, с. 233-234].

В «Шицзи» и «Цяньханьшу» до образования Империи сюнну сообщается: «В сие время Дом Дун-ху был в силе, Дом Юэчжи в цветущем состоянии. У хунну Шаньюй назывался Тумань» [12, с. 46]. Судя по этому известию, китайская историография признавала существование династий или государств юэчжи и дунху. Н.Я. Бичурин использовал в переводе слова «Дом», как к кочевым политиям, так и к китайским династиям, например, «Дом Цинь» (246–206 гг. до н.э.). По мнению ханьских хронистов, сюнну были слабы,

поэтому их вождя называли Тумань («тысячник» - предводитель тысячи воинов), а юэчжи были сильным государством. «Дом Юэчжи» представлял собой объединение-«государство» кочевых и полукочевых племен, общим политонимом которых было название юэчжи – «род Луны», по иероглифическому обозначению древних китайцев Луна обозначала женскую силу Инь. Поэтому, по мнению Ю.А. Зуева, «Дом Юэчжи» был гинекократическим, т.е. женоуправляемым [13, с. 20-21].

Китайские хронисты сообщали, что собственные земли юэчжи протянулись на юге от гор Наньшань и на севере до Алтая. Коренные земли юэчжи находились «между горами Цилян и Дуньхуан», где «Округа Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу, Шачжоу и другие – это земли государства Юэчжи» [14, с. 1136, л. 1а; 13, с. 20]. Границы «Дома Юэчжи» простирались в юго-восточной части левобережья реки Хуанхэ от верховьев до поворота северной излучины на юг. На севере их пределы охватывали западные и восточные склоны Большого Хингана. Богатыми пастбищами был Ганьсуйский коридор, где тоже кочевали юэчжи. Примерные хронологические рамки периода политического доминирования «Дома Юэчжи» делятся, вероятно, в III в. до н.э., а может и значительно больше.

Кочевья подвластных юэчжи племен простирались от Северной Монголии и Южного Прибайкалья на Саяно-Алтайское нагорье, т.е. обширные земли аридной зоны, где развивалась скотоводческая культура сюнну, дунху, ди, сэ, уцзе и других. По археологическим материалам на этой обширной территории обитали скифо-сакские племена, которые сформировали прекрасную культуру в IX–VI веках до н.э. (аржаанские, иссыкские, майе-мерские, раннетагарские, алдыбельские и другие археологические комплексы). Китайским хроникам известны саки (кит. сэ, сак), которые обитали к северу от р. Тарим и к северу-западу от Кашгара. Однако на рубеже III–II веков до н.э. скифо-сакский культурный комплекс претерпевает изменения [15, с.127-130] и связано это с теми процессами, которые сумели зарегистрировать китайские хронисты со слов путешествия Чжан Цяня на Запад во второй половине II в. до н.э., и, в общем, с появлением первой кочевой Империи сюнну.

Под термином «Запад, Западный край» – Сиюй в китайской историографии подразумеваются два основных значения: в узком смысле Сиюй – Восточный Туркестан (совр. СУАР КНР), а в широком – его пределы трудно ограничить. Этот термин появляется в ханьский период истории Китая (206 г. до н.э.–220 г. н.э.). Считается, что завоевания императора У Ди открыли Западный край для ханьского политического влияния. В трудах Сыма Цяня под термином «Сиюй» обозначены восточная и западные его части, названные Сюнну и Давань [16, с. 40-41], т.е. под Сюнну подразумевалась скотоводческая степь, а под Давань – земледельческая территория Средней Азии. Конкретно термин «Давань» обозначал регион Ферганы [17, с. 186]. Термин «Сиюй» носит политико-географический характер и связан с расширением кругозора китайских историографов, поэтому в него они стали вкладывать все новые и новые территории вплоть до Восточного Средиземноморья. Именно такова сущность континентальной геополитики Китая с древности, воплощенная в идеологии Срединного государства – Чжуньго. Поэтому не будет ошибкой предположить, что под Западным краем в период (II–I вв. до н.э.) ниже освещаемых событий следует понимать не только Восточный Туркестан, но и территории Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Синологическое исследование рассказа о путешествии Чжан Цяня было сделано Ю.А. Зуевым. Главной целью путешествия Чжан Цяня было склонить усунь перекочевать на прежние земли в Дуньхуан, вступить с усунь в союзно-брачные отношения, чтобы противостоять Империи сюнну [18, с. 196-197]. В 139 г. до н.э. Чжан Цянь сообщал: «Царя усуней именуют Хуньмо. Отец Хуньмо, по имени Наньдоу-ми вначале жил совместно с большими юэчжи между горами Цилян и Дуньхуан». Однако в результате разногласий: «Большие юэчжи напали и убили Наньдоу-ми и захватили его земли, а его народ бежал к сюнну» [13, с. 18]. Усуни входили в состав «Дома Юэчжи» как «представители твердо установленного отцовского (солнечно-царского рода)» [13, с. 22]. Поэтому в изложенном Чжан Цянем рассказе важным было подчеркнуть особую сущность сына Наньдоу-ми: «Его сын Хуньмо только что родился, и наставник Буцзю-сихоу бежал с младенцем на руках. Он положил его в траву и отправился искать пищу. Вернувшись, он увидел, что волчица кормит младенца молоком, а ворон с мясом в клюве летает рядом. Решив, что это бог,

он взял его и вернулся к сюнну» [13, с. 18]. Эта часть рассказа Чжан Цяня относится к генеалогическому мифу о происхождении усунь в составе юэчжи, и относится к тому времени, когда еще не была образована Империя сюнну. Божественная сущность Хуньмо заключена в этом генеалогическом мифе, в его имени, обозначающее «Солнце-бог» (<γuəp-mâk < *hvar-bay) и названии племени усунь (*ah-smən < *asman), которое означает «небо» [13, с. 23, 26-27]. В легенде документально зафиксирован факт об идеологическом оформлении представлений о небесно-солнечной сущности отцовской стороны в составе гинекократических юэчжи, что было связано с возрастающей ролью воина в обществе скотоводческих племен. Причина разногласий и войн между усунь и юэчжи, а также между сюнну и юэчжи крылась в попытках утверждения отцовского права в системе родоплеменных отношений в обществе кочевников, их стремления к власти: «Развитие производительных сил и все возрастающая (особенно военная) роль мужчины в обществе и семье привели к тому, что отцовскому роду стали тесны рамки гинекократической структуры. Конфликт был неизбежен. Как можно думать, его результатом и явилось убийство Наньдоу-ми и выделение асманов (усуней)» [13, с. 23].

Ситуация меняется в связи с возвышением сюнну во главе с Модэ-шаньюем в 201–209 гг. до н.э. Сюнну в результате войн разгромили и покорили юэчжи, дунху и других кочевников, стали угрозой для династии Хань. В Чжанье (пров. Ганьсу, между Цилян и Дуньхуан) в 176 г. до н.э. произошло решающее сражение между юэчжи и сюнну, что привело к падению «Дома Юэчжи». Считается, что миграция юэчжи начинается в 177 г. до н.э., однако откочевки юэчжи могли происходить и раньше этих событий. Усуни в составе Государства юэчжи тоже стали откочевывать из Циляня и Дуньхуана, это были так называемые ганьсуйские юэчжи [8, с. 41]. Но в рассказе Чжан Цяня ничего не говорится о совместной откочевке, а повествуется о том, что в результате разногласий между юэчжи и усунь, последние сумели сохраниться, благодаря покровительству сюнну: «Шаньюй (сюнну) полюбил и воспитал (Хуньмо). Когда же (Хуньмо) возмужал, он отдал ему народ отца и отправил возглавлять войска. (Хуньмо) несколько раз имел успех. В это время большие юэчжи уже разбитые (войсками) сюнну, напали на западе на царя народа сэ (сак), который бежал на юг и переселился в далекие края. Юэчжи стали жить на его землях. Хуньмо был в расцвете сил и сам испрасил у шаньюя разрешения отомстить за своего отца. И тогда на западе он напал и разбил больших юэчжи. Большие юэчжи снова бежали на запад и переселились на земли Дася» [13, с. 18].

Из этого рассказа Чжан Цяня следует, что юэчжи дважды мигрировали: в первом случае, когда их разгромили сюнну и во втором случае, когда их вытеснили усунь. Сначала юэчжи мигрировали на земли народа сэ (саки), а затем – на земли Дася (Бактрия – область в среднем и верхнем течении Амударьи) [17, с. 240, 247]. Этот путь миграций ганьсуйских юэчжи исследователи примерно сопоставляют с маршрутом: Ганьсу – Восточный Туркестан – Джунгария – Жетысу – Иссыкуль – Фергана – Бактрия [8, с. 36-51; 10, с. 48-54]. Откочевки с юэчжи совершали и усунь, во всяком случае, на пути следования в Жетысуйско-Иссыкскую область. Этот маршрут сопоставим с путями миграций юэчжи: Шэньси – Циляншань (горы Цилян) – Сичэн – Жетысу [19, с. 14-17]. Вместе с юэчжи шла миграция и сакских племен из Жетысу в направлении к Бактрии, Дрангианы (область, получившая впоследствии название Сакастан), Арахозию и в северо-западную Индию [20, с. 13].

Греческие источники сообщают, что в районе Иссыкуля, к северо-западу от реки Или (Жетысу) появились племена под названием Тагошаіоі. По мнению Крека Бенжемина, это название сопоставимо с названием «тохар», на языке которых говорили юэчжи [8, с. 102]. О языковой принадлежности усунь в этой связи имеется мнение А.К. Акишева: «или усунь были тохароязычным этносом, либо конфедерация усуней включала тохарский компонент», потому что титул усуньского правителя может быть идентифицирован на основе тохарского (эteo-тохарского) языка *kaut<*qun< «солнце» [5, с. 29]. В результате миграций юэчжи, тохаров и саксов во II в. до н.э. область Бактрия по верхнему и среднему течению Амударьи, между Гиссарским хребтом на севере и Гиндукушем была захвачена этими народами. Впоследствии в письменных источниках эта область – Бактрия – получила название «Тохаристан» (Страна тохаров), народ, населявший ее, говорил на тохарском языке (эteo-тохарском) [20, с. 16]. У Страбона Бактрия была завоевана племенами асиев, тохаров, и сакарауков. Птолемей Трог

завоевателями Бактрии и Согдианы называет са(ка) рауков и асианов, т.е. эти племена по греческим источникам были скифским народом.

По сведениям археологических материалов, в районе Иссыкуля имеются памятники кочевников, которые идентифицируются с памятниками такого же типа, что были обнаружены в центральном Ганьсу – это подбои археологического комплекса Халадун около Минкина [21, с. 23]. Археологи полагают, что миграции юэчжи вызвали откочевки сакских племен, что привело к затуханию Жетысу и Прииссыкуля как отдельного сакского религиозного центра и культуры в «предполагаемых пяти племенных (политарных) центрах пазарькской культуры» [22, с. 71-72]. Миграция поменяла культурное состояние в Жетысу и здесь постепенно начала формироваться иная усуньская археологическая культура, как пишет А.М. Досымбаева: «Результаты сравнительно-сопоставительного анализа материалов из погребальных памятников, расположенных на территории Жетысу, с таковыми из Восточного Туркестана, послужили основой для этнокультурной идентификации памятников усуней» [23, с. 15]. Из этого комплекса мнений можно сделать вывод о том, что: во-первых, возможно, происходила миграция трех групп племен: юэчжи, саки, тохары, где последние получают свое название только в Бактрии. Возможно, что юэчжи китайских летописей говорили на тохарском языке, как это обосновывает К.Бенжемин; во-вторых, миграция юэчжи стала менять этническую и культурную ситуацию в сакской среде Жетысу и Средней Азии; в-третьих, тохарский языковой компонент был в этнической среде юэчжи-усунь Жетысу и Средней Азии и следы его происхождения в результате миграций ведут из территории оазисных городов Восточного Туркестана и приграничных областей со скотоводческими обществами. Представляется, что этот регион не был сегментирован в четкие культурные границы, представлял собой некий взаимодействующий единый организм.

Противоречивые сведения письменных источников и относительная хронология археологических материалов приводит к тому, что исследователи по разному датируют хронологию миграций юэчжи и усунь по этим маршрутам. Согласно «Ханьшу», сюнну разгромили юэчжи в 165 г. до н.э. и те вынуждены были окончательно бежать из Цилян и Дуньхуан, а усунь мигрировали после смерти Лаошань-шаньюя в 161 г. до н.э. По мнению Л.А. Боровковой, усунь откочевали к долине р. Или в Жетысу в 160 г. до н.э. [24, с. 245-246]. В целом, миграцию юэчжи с территории Джунгарии исследователи относят к периоду между 174 и 158 годами до н.э. [25, с. 239]. Юэчжи и саки продолжали миграцию и появились по сообщениям Чжан Цяня в Сяньду (Гиндукуш), т.е. на территории современной Индии.

Пути миграций юэчжи проходили и в направлении Арало-Каспия. По сообщениям Чжан Цяня можно реконструировать «царский» род (или племя) в составе «Дома Юэчжи». Страна Яньцай локализуется в Арало-Каспийском районе, он занимал ключевое место на северной дороге Великого Шелкового пути и в середине VII в. н.э. о нем говорилось, что «управление бывшей страной Яньцай находилось в Хулу. Транскрипция Ху-лу является объяснительной и означает «город на (торговой) Согдийской дороге» или «Согдийский городок». Она сблизается с названием города на Нижней Сырдарье Хвара, упоминаемого, в частности, в персидской географии 982 г. В труде Марцелина (IV в.) этот город назван Хаврана. Вместе с тем город с тем же именем упоминается Птолемеем далеко на Востоке. Он соответствует хунье (хварэна) ранних китайских известий о «скифах-хавранах» (юэчжи) в южной части современной пров. Ганьсу (КНР). Хавраны были «царским» племенем юэчжи, и само это слово являлось эманацией Солнца и божественного огня, дарителя божественного нимба царей» [26, с. 21].

Эта реконструкция позволяет предположить, что в Государстве юэчжи были царские племена, которые в числе первых мигрировали и составляли самую главную опасность для сюнну. Возможно, что уже во II в. до н.э. их миграция достигала Арала-Каспия, где они контролировали одну из торговых дорог на Великом Шелковом пути. В 176 г. до н.э. Модэ-шаньюй сообщил императору Хань: «... Благодаря милости Неба командиры и воины были в хорошем состоянии, а кони сильны, что позволило мне уничтожить юэчжи, которые были истреблены или сдались» [27, с. 43]. Царские племена юэчжи были побеждены, и это привело к миграциям и смене родоплеменной власти в Степи.

Сведения письменных источников об усунь как «небесном\царском\солнечном» и хварэна как «солнечном\царском» Государства юэчжи могут свидетельствовать в пользу происходящих

процессов выделения и идеологического оформления отцовской линии в праве на власть и переход культа воина в сферу реального родоплеменного права даже при системе гинекократического управления отношений между племенами и кланами.

Таким образом, миграции юэчжи охватили огромные территории от Ганьсу до Северной Индии и большой хронологический период примерно с 176 по 128 годы до н.э. Миграцию юэчжи можно подразделить на ганьсуйский и среднеазиатский участники пути.

1. Ганьсу – Восточный Туркестан – Жетысу – Средняя Азия.
2. Средняя Азия – Бактрия – Северная Индия.

Ганьсуйский участок миграций юэчжи можно провести и по такому маршруту: Ганьсу – Восточный Туркестан - Джунгария – Жетысу – Иссыкуль – Арало-Каспий – Фергана.

Ганьсуйская миграция привела к созданию Государства Усунь в Жетысу и Яньцай в Арало-Каспии. Также в китайских хрониках появляется Государство Канцзюй, в списке государств «В повествовании о Западном крае» в Цяньханьшу, гл. 95, Канцзюй стоит после Больших юэчжи и уже не упоминается в других хрониках о Сиюй [18, с.146-150]. Среднеазиатская миграция юэчжи имела отношение и к образованию Кушанской империи [28. с. 61-92].

В историографии под «Великим переселением народов» принято понимать условное название эпохи массовых миграций народов из глубин Центральной Азии: гуннских, аварских, аланских и других племен в западном направлении, Европу, между II и VII веками н.э. Эта эпоха стала частью европейской истории [29]. При этом истоки этих миграций связаны со скотоводческими, кочевыми обществами, которые, безусловно, достигли совершенства в коммуникациях, военном деле, развитии животноводства, металлургии, горнорудном деле и другое. Здесь в Центральной Азии был дан старт этим миграционным событиям, и он был связан с теми социальными, политическими, экологическими, экономическими и культурными изменениями, которые испытывали скотоводческие общества. Археологические материалы позволяют исследователям видеть смены региональных культур, однако их методологическое применение вызывает множество споров. Эти вопросы были подняты в статье А.Н. Свиридова, и на наш взгляд, определили проблему миграции в период Великого переселения народов для Центральной Азии, продолжающую историю Империи сюнну.

Для азиатского региона Евразии термин «эпоха великого переселения народов» была впервые использована А.А. Гавриловой в 1965 г. и затем разрабатывалась С.С. Сорокиным [30; 31]. По мнению исследователей, «понятие «великое переселение народов» позволяет охватить весь хронологический период, с которым так или иначе связаны крупные перемещения групп населения, приведшие к изменению этнической карты Саяно-Алтая и давшие импульс для формирования оригинальных, различных по происхождению и составу археологических культур, типов и групп памятников с ведущим центрально-азиатским культурным компонентом» [15, с. 129]. С.С. Сорокин рассматривал эту эпоху в широких хронологических рамках со II в. до н.э. по VII в. н.э. Такая датировка вполне приемлема, потому что позволяет увидеть волны миграций, связанные с образованием Империи сюнну и те изменения, которые мы показали выше. Однако этот хронологический период не однозначен и, опираясь на письменные китайские источники, может быть разделен на несколько различных исторических периодов: во-первых, образование и расцвет Империи сюнну (II вв. до н.э.), во-вторых, распад Империи сюнну (48 г. н.э.) и период множества кочевых политий (позднесюннский, сяньбийский периоды, III–V вв.), в-третьих, эпоха Тюркских каганатов (VI–XIII вв.).

В археологической литературе разрабатываются региональные периодизации, связанные с определенными периодами доминирования тех или иных племен, отмечаются изменения в погребальном обряде, появлении новых типов предметов вооружения, изменения в сюжетах и приемах декора предметов искусства [15, с. 129].

Эпоха великого переселения народов началась, согласно китайским летописям, в I веке до н.э. и была связана с конкретными событиями. В 56 г. до н.э. первая центрально-азиатская Империя сюнну раскололась на южную и северную части. Это был первый раскол, междоусобная война, приведшая к откочевкам сюнну и военно-политическим событиям, укрепившим позиции Империи Хань в Восточном Туркестане. Причиной этого стала междоусобная война сюнну, связанная с родоплеменной системой наследования и старшинства среди линий поколений сюнну. В

результате этой войны, Чжичжи-шаньюй изгнал своего брата Хуханье-шаньюя из сюннуской столицы. В китайской историографии с тех пор Чжичжи стал именоваться северным шаньюем, народ, подчинившийся ему - северные сюнну, а Хуханье – южным шаньюем и подчиненные ему племена – южными сюнну. Т. Барфилд в своем исследовании рассмотрел этот раскол с позиций стратегии внутренних и внешних границ, смены системы выплат хэцинь на данническую систему взаимоотношений [32, с. 116-126].

Судьба двух братьев сложилась по разному. Хуханье-шаньюй принял данническую систему взаимоотношений с Хань, которая позволяла сюнну использовать скрытые формулировки угроз нападения на границу и тем самым эксплуатировать ресурсы Китая, получая оттуда товары престижной экономики. Поэтому под властью некоторых шаньюев южные сюнну процветали и были с союзе с Китаем против своих северных собратьев. Территория южных сюнну находилась в Ордосе, на границе с Хань [32, с.121-122]. Также южные сюнну занимали северную часть области Бинчжоу (северные части современных провинций КНР Шаньси и Шэньси) и округ Шофан (на территории современного автономного района Внутренняя Монголия) [33, с.15-16].

Чжичжи-шаньюй, несмотря на свое военное превосходство и лидерство, оказался в проигрыше в борьбе за выгоды, предоставляемые даннической системой. Кочевья северных сюнну располагались на Саянах и Прибайкалье [34, с. 63]. В 49 г. до н.э. Чжичжи совершил нападение на земли южных сюнну, но те, находившиеся под защитой Китая, совместно с ханьцами сумели дать отпор. Согласно китайским хроникам, северный шаньюй, ища союзников против Китая и южных сюнну, обратился к правителю государства Усунь, однако тот обезглавил сюннуского посланника и с восьмидесятичной армией напал на Чжичжи. Летописи так описывают эти и последующие события: «Чжичжи вида, что усуньских войск много, а его посланник еще не возвратился, выставил свое войско и, ударив на усуньцев, разбил их; отсюда, повернув на север, ударил на Уцзе (Уге). Уцзе покорился, и Чжичжи при помощи его войск разбил на западе Цзянькунь (Гянгунь), а на севере покорил Динлин. Покорив три царства, он несколько раз посылал войска на Усунь и обычно побеждал его» [34, с. 63]. В 47 г. до н.э. Чжичжи-шаньюй убил ханьского посланника и затем покинул старые территории сюнну, мигрировав в северо-западном направлении. Наоборот, южный шаньюй Хуханье в 43 г. до н.э. вернулся на север, в степные просторы «и его люди постепенно воссоединились, придя отовсюду, и страна вновь стала населенной и спокойной» [32, с. 122].

Продвижение северных сюнну изменило геополитическую ситуацию в Чу-Таласской и Сырдарьинской областях. Государство Канцзюй, располагавшееся на Сырдарье граничило по Таласской долине с государством Усунь. Даннические отношения с южными сюнну и миграция Чжичжи-шаньюя усилила военные позиции Хань в государствах Восточного Туркестана, который всегда находился под властью кочевников: юэчжи и сюнну.

Чжичжи прославился своей военной силой, его продвижение в западном направлении носила завоевательный характер, ему подчинились народы Уцзе, Цзянькунь и Динлин, что давала повод правителю государства Канцзюй искать в северных сюнну союзников против Хань и Усунь. По сообщениям хроник: «Канцзюйский князь, часто притесняемый усунями, в совете со своими сихоу (ябгу) полагал, что сюнну составляют большое государство. Теперь Чжичжи вне отечества и находится в затруднительном положении. Можно пригласить его на восточную границу, совокупными силами завоевать Усунь и затем (над Усунью) поставить его властителем, тогда не для чего опасаться сюнну. В тот час отправили в Цзянькунь посланника сообщить это. Чжичжи боялся Усуни и сверх того ненавидел ее. Поэтому, услышав о намерении канцзюйского князя, весьма обрадовался и, заключив с ним союз, пошел со своим войском на запад. Канцзюйский князь навстречу Чжичжи направил старейшин с несколькими тысячами верблюдов, ослов и лошадей» [34, с. 66]. По мнению Ю.А. Зуева, политика Канцзюй в отношении сюнну строилась на стремлении противостоять Усунь и Хань, однако Чжичжи не выполнил ожиданий Канцзюй: «во-первых, он не смог привести армию, во-вторых, не покорил усуней, в-третьих, остался в Канцзюе, чем поставил его в затруднительное положение перед усунями и, главное, перед Китаем» [34, с. 67]. Эти причины привели к разрыву отношений между сюнну и Канцзюй, что стало причиной откочевков северных сюнну в верховья Таласа.

Из повествования о строительстве деревянного города Чжичжи-шаньюем в «Цяньханьшу» и «Цзычжи тунцзянь» следует очень интересный факт: дань и средства для строительства города-

крепости и мастера прибывали из Яньцай и Ферганы, т.е. тех территорий, куда во II в. до н.э. откочевали юэчжи, вероятно, они считались подданными сюнну [34, с. 68]. В верховьях Таласа происходит усиление Чжичжи-шаньюя, сюнну возобновили набеги на Усунь, предъявляли требования к Сиюй (городам Восточного Туркестана), где с введением даннических отношений между Хань и южными сюнну стояли ханьские военные гарнизоны. Поэтому усиление Чжичжи и его союз с Канцзюй совершенно не был выгоден Империи Хань, началась военная подготовка к вторжению на северных сюнну китайских чиновников-полководцев Гань Янь-шоу и Чэнь Тана.

В повествовании об Усунь этот совместный поход ханьцев, усунь и воинов из городов Восточного Туркестана произошло в 36 г. до н.э. [18, с. 190]. Результатом войны стало уничтожение города-крепости сюнну: «Чжичжи был схвачен вместе с окружавшими его родственниками. Ратники обезглавили всех жен и наложниц шаньюя, его наследников и именитых князей в количестве 1 518 человек» [34, с. 71]. Это историческое событие обозначило первую волну миграций сюнну на запад, она не была многочисленной, массовой как в последующий век, но носила трагический характер для Империи сюнну. Империя сюнну продолжала существовать, южные сюнну усилились и в новых формах противостояли Китаю: «Именно шаньюй определял время и частоту визитов за подарками, именно он запрашивал и получал специальные подношения в виде зерна, и именно он требовал щедрые дары от каждого ханьского посольства, пребывавшего в его ставку, снабжая при этом своих посланников к ханьскому двору лишь символическими подарками. В конце своего правления Хуханье благородно предложил избавить Китай от обязанности охранять границу, передав ее сюнну», что фактически позволяло сюнну держать Китай в качестве заложника [32, с. 125].

После гражданской войны в Китае Империя южных сюнну еще более усилилась, весь Восточный Туркестан был под их контролем, они стали занимать, оставленные ханьцами пограничные районы, продвигались на территорию Китая, совершали набеги. Военное давление сюнну на Китай продолжалось вплоть до 45 г. Именно в это время в Степи началась сильнейшая засуха и нашествие саранчи: «Земля на несколько тысячи ли лежала голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство их умерли или пали» [3, с. 129]. В Империи сюнну началась междоусобная война в 46 г. н.э., когда сын Юя стал шаньюем вместо потомков Нанчжиясы, более глобальная причина – борьба за пастбища. В 47 г. произошел раскол сюнну на южных и северных. Южные сюнну во главе с шаньюем Би откочевали на юг от Великой стены, на покинутую китайцами территорию и вступили в союзнические отношения с Поздней Хань. В 48 г. началась война между южными и северными сюнну, что фактически стало концом Империи сюнну [3, с. 130].

Северный шаньюй Пуну начал нападения на Китай, затем вел переговоры о торговых и даннических отношениях, эта стратегия была основой в отношениях с Поздней Хань. Однако эти действия северных сюнну блокировались тактикой южного шаньюя Би, которая основывалась на недопущении северных сюнну к китайской границы и торговых отношений с ней, на осуществлении единоличного контроля за даннической системой с Хань и на военной помощи со стороны ханьцев для уничтожения северных сюнну. Данническая система после падения Империи сюнну претерпела значительные перемены: она стала действовать для всех племен, ранее находившиеся под властью сюнну, что привело к их усилению и самостоятельности во внешних отношениях с Китаем. Более того, междоусобная война сюнну привела к политической децентрализации скотоводческих обществ, исчезла монополия шаньюя на верховную власть, появилось множество претендентов на создание новых политий. До 83 г. северные сюнну наравне с другими племенами оставались политической силой в Степи, однако в 87 г. сяньби обезглавили шаньюя северных сюнну, что послужило причиной массовой миграции сюнну в южном и северном направлениях. В 89 г. войска сяньби, сюнну и ханьцев разгромили северных сюнну. В результате сто тысяч сюнну приняли этноним сяньби, другая часть бежала с вождями на север [32, с. 137-142]. Именно эта массовая миграция стала причиной последующей миграции кочевников в западном направлении и положила начало «Великого переселения народов» для европейской истории.

Ю.А. Зуев, писавший в «Истории Казахстана» подглаву «Политическая история хуннов, усуней и кангюев», отмечает, что миграции сюнну проходили дважды после падения империи в 48 г. и в 93 г. и это были массовые миграции сюнну на территории Казахстана и Средней Азии [35, с. 286]. В I-ой половине II в. н.э. под влиянием, образовавшегося сяньбийского государства, сюнну начали продвигаться в Восточный Казахстан и Жетысу. Здесь они создали государство Юэбань,

просуществовавшие до V в., а затем, вместе с угорскими племенами Западной Сибири продвинулись в Приуралье, в прикаспийские и завожские степи.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели две взаимосвязанных линии миграций в истории древней и раннесредневековой Центральной Азии. В истории народов региона, скотоводческого общества, эти события носили чрезвычайно трансформационный характер, затрагивающие многие сферы их жизнедеятельности.

Во-первых, отголоски центрально-азиатских миграций скотоводческих народов отражаются как крупное историческое событие в китайских, греческих, персидских письменных источниках, имеются свидетельства изменений в археологических культурах. Империя Хань преднамеренно с целью выяснения сведений о юэчжи и заключения с ними антисюннуского союза организует двадцатитридцатилетнее путешествие Чжан Цяня на Запад, в действительности на север. Птолемей сообщал, что племена из далекой Азии оседали и смешивались с местным населением бассейна Сырдарьи и Приаралья. Эти же сведения нашли отражение в археологических материалах. В материальной культуре появляются элементы пришлых племен в Казахстане, Средней Азии, Афганистане, Пакистане, Индии. Миграции ганьсуйских юэчжи привели к таким процессам, как миграции сакского населения в направлении Бактрии, смешению юэчжи с сакским местным населением Жетысу, Приисыкулья и затем Средней Азии. В конечном итоге происходит процесс смены культурно-религиозного состояния населения территорий миграций юэчжи, что могло означать трансформацию «старой» скифо-сакской общности и появлению новых культурных особенностей, нехарактерных для скифской культуры.

Во-вторых, считается, что с момента появления сюнну стала меняться этническая и антропологическая ситуация в Центральной Азии, возможно, означающая переход от индоевропейской к монголоидной расе. Советская наука для истории народов Центральной Азии схематизировала представления о сменах этносов. Считалось, что индоевропейским, индоиранским населением были скифо-сакские племена, их сменили тюркские и монгольские народы. Для западной историографии, англосаксонского круга, ведущим пониманием этнического вопроса является идея «воображаемой истории», «воображаемых этносов и наций» [36; 37]. В отечественной науке дискуссии вокруг этнической истории облекаются в терминологию прототюрки, протомонголы, протославяне, протоказахи и т.д., опирающиеся на идеи нации-государства. В этой связи, можем ли мы думать, что юэчжи были этео-тохарами (истинными тохарами), саками или скифами, если для древних историков и географов эти названия носили всегда собирательный характер, обозначали общую массу скотоводческих народов, чья жизнедеятельность отличалась от китайской, греческой или персидской жизнедеятельности, т.е. это политонимы. Этническая история народа складывалась из военных событий, борьбы за выживание перед соседними обществами, культурами, торговли и обмена с ними, хозяйствовании во взаимодействии с природными факторами, сила которых оказывалась всегда жизнеопределяющей. Именно события этих отголосков в письменных и археологических материалах мы можем себе представить и реконструировать. По нашему мнению, на что следует обратить внимание в изложенной истории миграций юэчжи и сюнну, - это на смену политического доминирования того или иного этноса в кочевой степи: юэчжи сменили сюнну, сто тысяч сюнну стали прозывать себя сяньби после 89 г.

В-третьих, значительным трансформационным событием рассмотренной истории миграции юэчжи и сюнну было укрепление позиций и идеологическое оформление отцовской (мужской) линии в праве правления и правового равенства с материнским (женским) доминированием в родоплеменных отношениях. Культ воина, который стал проявляться в связи с культивированием лошади под нужды войны, выявил большую выносливость и силу мужчин-воинов, в периоды поздней бронзы и железного века он стал ведущим в культуре кочевников. Идеологическое оформление культа воина основывалось на укреплении солярных и небесных богов. А.К. Акишему принадлежит гипотеза о том, что с I тыс. до н.э. и вплоть до раннего средневековья на всей территории Центральной Азии одной из религий был сакский митраизм – политеистическая религия с культом бога Митры – солярного бога, гаранта союза разного типа: «Сакский митраизм был в основном «мужской» религией, существенная роль в ней принадлежала воинам-всадникам» [5, с. 25, 28]. Благодаря этой «религии» на огромной территории скотоводческих обществ складывается культ воина-всадника, что прослеживается на археологических материалах: погребения с конями,

царские курганы, отсутствие предметов вооружения в рядовых погребениях, что указывает на ранжированность общества, где только воины имели права захоронения с оружием [22, с. с. 71]. Культ воина-всадника – это не только культ мужской, но и культ амазонок – женщин воинов-всадниц, распространенный в сарматской культуре и документально подтвержденный греческими, китайскими и персидскими источниками. На наш взгляд, это могло быть связано с нерасчлененностью мужского и женского в мировоззрении и культовой практики, что было отражением и социально-политической организации родоплеменных отношений.

На рассмотренном выше материале истории миграций юэчжи и сюнну, культ воина нашел яркое отражение в образах воина-вождя, например, шаньюя Модэ, шаньюя Лаошаня, а империя, которую они возглавляли в теориях антропологии получила название суперсложного вождества как ключевой ступени в политической организации древних обществ во всемирной истории. Китайский летописный материал о взаимоотношениях усунь и юэчжи дает документальное подтверждение оформления небесно-солнечного культа хуньмо – правителя Государства усунь – он был богом, духом: «Однажды конница сюнну была отправлена на войну с усунями. Но ратники отказались сражаться и «удалились» на том основании, что усуньское войско возглавлял сам бог (шэнь) Хуньмо» [цит.: 13, с. 27]. Значение появления культа вождя-воина как небесно-солнечного бога заключалась в их социально-политическом участии и распределении функций между племенами. Предположительно культ воина развивался в мировоззренческо-культовом окружении и доминировании лунно-земного культа женских (материнских) божеств. Именно в этом заключалась трансформационная сущность рассмотренного этапа истории юэчжи и сюнну. Таким образом, произошла смена Государства юэчжи и их политонима на Империю сюнну с их политоном как собирательного названия кочевых племен.

Источник финансирования. Исследование публикуется в рамках реализации проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан 2015-2017 гг., ГФ № 1893/ГФ4, регистрационный № 0115РК01053.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 456 с.
- [2] Wallerstein I. The politic of the world-economy. – Paris: Maison des Science de l'Home, 1984. – 256 p.
- [3] Крадин Н.Н. Империя хунну. – М.: Логос, 2001. – 310 с.
- [4] Нефедов С.А. Монгольский лук и монгольские завоевания - Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. - Алматы: Lem, 2010. – С. 110-126.
- [5] Акишев А.К. Сакский митраизм // Тамыр, № 1 (2), 2000. – С. 24-33.
- [6.] Акишев К.А. К этногенезу традиционной культуры казахов (археологический аспект) – Культура кочевников на рубежах веков (XIX-XX, XX-XXI вв.). Проблемы генезиса и трансформации. – Алматы, 1995. С.16-17.
- [7] Яблонский Л.Т. Новые раскопки в Казахстане и проблемы формирования раннесарматской культуры. – Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы, 2011. – Т.2 – С. 59-64.
- [8] Benjamin Craig G.R. The Yuezhi: Origin, migration and the conquest of Northern Bactria. – Turnhout: Brepols, 2007. / Silk Road Studies XIV. – 245 p.
- [9] Боковенко Н.А. Номады Центральной Азии в сакскую эпоху: проблема происхождения и контактов. – Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы, 2011. – Т.2 – С. 46-47
- [10] Джуманалиев Т. Очерки политической истории кочевников Притяньшанья с древности и до конца 17 века. – Бишкек, 2007. – 546 с.
- [11] Бернштам А.Н. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания – Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. - Т.2. - Бишкек, 1997. - С. 231-246.
- [12] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – Т. 1. – 388 с.
- [13] Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 330 с.
- [14] Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). – Пекин: серия Бо-на, 1958. - Гл. 123.
- [15] Свиридов А.Н. Гунно-сарматская эпоха Казахстана: проблемы методологического изучения. – Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы, 2011. – Т.2 – С. 127-134.
- [16] Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.) - Алматы: Гьльым, 1995. - 284 с.
- [17] Маявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1989 – 430 с.
- [18] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – Т. 2. – 346 с.
- [19] Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // ТИИАЭ АН КазССР. - Т.8. - Алма-Ата, 1960. - С. 14-23.
- [20] Оранский И.М. Краткий обзор иранских языков. – Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – С. 12-26.

- [21] Zadneprovsky Y.A. Migration Paths of the Yueh-chih based on Archaeological. \ Evidence', Circle of Inner Asian Art Newsletter, No. 8 (April 1999).
- [22] Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Художественные бронзы Жетысу. – Алматы, 2013. – 120 с.
- [23] Досымбаева А.М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – Астана: Service press, 2013. – 248 с.
- [24] Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во 2-1 вв. до н.э. М: Институт востоковедения РАН-КРАФТ, 2001.
- [25] Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н.э. – IV в. н.э. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. - М.: Наука, 1988. – С. 233-296.
- [26] Зуев Ю.А. Восточные связи Приаральской станы Яньцай (Абзойи) – Культура кочевников на рубежах веков (XIX-XX, XX-XXI вв.). Проблемы генезиса и трансформации. – Алматы, 1995. - С. 38-68.
- [27] Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечание В.С. Таскина. - М.: Наука, 1968, вып. 1. – 282 с.
- [28] Mukherjee B.N. The Rise and Fall of Kushana Empire. - Calcutta: Firma KLM private Limited, 1988. – 478 p.
- [29] Hans-Joachim Diesner. The Great Migration. – Leipzig, 1978. – 254 p.
- [30] Гаврилова А.А. Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л., Наука, 1965. – 143 с.
- [31] Сорокин С.С. Доисследование Большого Берельского кургана // АСГЭ. – 1962. – Вып. 23.
- [32] Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. – 486 с.
- [33] Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае в 3-5 вв. - М.: Наука, 1989. – 280 с.
- [34] Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях Усуней и Каньцзюй с гуннами и Китаем во второй половине 1 века до н.э. \ Известия АН КазССР. \ Серия истории, экономики, философии и права. Вып. 2(5). – Алма-Ата, 1957. – С. 62-72.
- [35] Зуев Ю.А. Политическая история хуннов, усуней и кангюев. \ Раннеклассовые общества на территории Южного Казахстана и Семиречья. – История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). \ В 5-и томах. Алма-Ата, 1977. - Т.1. - С. 284-293.
- [36] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (1983) in Beissinger, R. Mark and Crawford Young, *Beyond State Crisis?: Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
- [37] Smith A. The Ethnic Origins of Nations. – London, 1986.

REFERENCES

- [1] Kradin N.N. The nomads of Eurasia. - Almaty: Dyke-Press, 2010. - 456 p. (in Russ.).
- [2] Wallerstein I. The politic of the world-economy. Paris: Maison des Science de l'Home, 1984. 256 p. (in Eng.).
- [3] Kradin N.N. Xiongnu Empire. - М.: Logos, 2001. - 310 p. (in Russ.).
- [4] Nefedov S.A. Mongolian bow and Mongol conquest - The role of the nomads of the Eurasian steppes in the development of world art of war. - Almaty: Lem, 2010. - p. 110-126. (in Russ.).
- [5] Akishev A.K. Saki Mithraism \ Tamyр, number 1 (2), 2000. - P. 24-33. (in Russ.).
- [6] Akishev K.A. By the ethnogenesis of the traditional culture of Kazakhs (the archaeological aspect) - The culture of the nomads in the turn of the century (XIX-XX, XX-XXI centuries.). Problems of the genesis and transformation. - Almaty, 1995. p.16-17. (in Russ.).
- [7] Yablonsky L.T. New excavations in Kazakhstan and problems of formation rannesarmatskoy culture. - Archaeology in the era of independence, Kazakhstan: results and prospects. - Almaty, 2011. - V.2 - p. 59-64. (in Russ.).
- [8] Benjamin Craig G.R. The Yuezhi: Origin, migration and the conquest of Northern Bactria. Turnhout: Brepols, 2007. / Silk Road Studies XIV. 245 p.
- [9] Bokovenko N.A. Nomads of Central Asia in the Saka era: the problem of the origin and contacts. - Archaeology in the era of independence, Kazakhstan: results and prospects. - Almaty, 2011. - V.2 - P. 46-47. (in Russ.).
- [10] Dzhumanaliev T. Essays of political history nomads Prityanshanya from antiquity to the late 17th century. - Bishkek, 2007. - 546 p. (in Russ.).
- [11] Bernshtam A.N. The history of the Kyrgyz people and Kyrgyzstan from ancient times to the Mongol conquest - Selected works on archeology and the history of the Kyrgyz people and Kyrgyzstan. - V.2. - Bishkek, 1997. - p. 231-246. (in Russ.).
- [12] Bichurin N.Ya. Collection of information on peoples in Central Asia in ancient times. - Almaty Zhalyн baspasy, 1998. - Т. 1. - 388 p. (in Russ.).
- [13] Zuev Yu.A. Early Turks: Essays on the history and ideology. - Almaty: Dyke-Press, 2002. - 330 p. (in Russ.).
- [14] Sima Qian. Shi Ji (Historical Records). - Beijing: a series of Bo-na, 1958. - Ch. 123. (in Russ.).
- [15] Sviridov A.N. Hun-Sarmatian era of Kazakhstan: problems of a methodological study. - Archaeology in the era of independence, Kazakhstan: results and prospects. - Almaty, 2011. - V.2 - p.127-134. (in Russ.).
- [16] Khafizova K.Sh. Chinese Diplomacy in Central Asia (XIV-XIX centuries.) - Almaty Gylym, 1995. - 284 p. (in Russ.).
- [17] Malyavkin A.G. Tang chronicles about Central Asia. - Novosibirsk: Nauka, 1989 - 430 p.
- [18] Bichurin N.Ya. Collection of information on peoples in Central Asia in ancient times. - Almaty Zhalyн baspasy, 1998. - V. 2. - 346. (in Russ.).
- [19] Zuev Yu.A. By the ethnic history of the Usun \ ТИАЕ KazССР. - V.8. - Almaty, 1960. - P. 14-23. (in Russ.).
- [20] Oransky I.M. Overview of the Iranian languages. - Fundamentals of Iranian Linguistics. Proto-Iranian language. - М.: Nauka, 1979. - P. 12-26. (in Russ.).

- [21] Zadneprovsky Y.A. Migration Paths of the Yueh-chih based on Archaeological. \ Evidence', Circle of Inner Asian Art Newsletter, No. 8 (April 1999).
- [22] Bazarbaeva G.A., Zhumbekova G.S. Artistic bronze Zhetysay. Almaty, 2013. - 120 p. (in Russ.).
- [23] Dosymbaeva A.M. The history of the Turkic peoples. The traditional worldview of the Turks. - Astana: Service press, 2013. - 248 p. (in Russ.).
- [24] Borovkova L.A. The Kingdom of the "Western Region" in the 2-1 centuries. BC. M: Institute of Oriental Studies-CRAFT, 2001. (in Russ.).
- [25] Kryukov M.V. East Turkestan in the III. BC. - IV in. BC - East Turkestan in antiquity and the early Middle Ages. Outline of history. - M.: Nauka, 1988. - p. 233-296. (in Russ.).
- [26] Zuev Yu.A. Eastern Communications Aral mills Yantsay (Abzoyi) - Culture of nomads on the turn of the century (XIX-XX, XX-XXI centuries.). Problems of the genesis and transformation. - Almaty, 1995. - P. 38-68. (in Russ.).
- [27] Information on the history of the Huns (by Chinese sources). Introduction, translation and notes VS Taskina. - M.: Nauka, 1968, vol. 1 - 282 p. (in Russ.).
- [28] Mukherjee B.N. The Rise and Fall of Kushana Empire. Calcutta: Firma KLM private Limited, 1988. 478 p. (in Eng.).
- [29] Hans-Joachim Diesner. The Great Migration. Leipzig, 1978. 254 p. (in Eng.).
- [30] Gavrilo A.A. Burial Kudyrga as a source on the history of the Altai tribes. - Leningrad, Nauka, 1965. - 143 p. (in Russ.).
- [31] Sorokin S.S. Doisledovanie Big Berel mound // ASGE. - 1962 - Vol. 23. (in Russ.).
- [32] Barfield T. Dangerous border. Nomadic Empire and China (221 BC - 1757 AD). - St. Petersburg: Nestor History, 2009. - 486 p. (in Russ.).
- [33] Taskin V.S. Materials on the history of nomadic peoples in China in 3-5 centuries. - M.: Nauka, 1989 - 280 p. (in Russ.).
- [34] Zuev Yu.A. On the question of relations Usuns Kantszyuy and the Huns and China in the second half of the 1st century BC \ News of KazSSR. \ Series history, economics, philosophy and law. Vol. 2 (5). - Almaty, 1957. - P. 62-72. (in Russ.).
- [35] Zuev Yu.A. The political history of the Huns, and Usuns Kangyuy. \ Early class societies in the Southern Kazakhstan and Semirechie. - History of the Kazakh SSR (vrmeni from ancient to the present day). \ In 5 volumes. Almaty, 1977. - Vol.1. - p. 284-293. (in Russ.).
- [36] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (1983) in Beissinger, R. Mark and Crawford Young, *Beyond State Crisis?: Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press. (in Eng.).
- [37] Smith A. The Ethnic Origins of Nations. - London, 1986. (in Eng.).

ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ КӨНЕ ЗАМАНДАҒЫ ЖӘНЕ ОРТА ҒАСЫРЛАРДАҒЫ КӨШПІ-ҚОНУ МЕН ТРАНСФОРМАЦИЯЛЫҚ ТАРИХЫ

К.Ө. Торланбаева
torlanbayeva@mail.ru

Түйін сөздер: байланыс, Қазақстан, көшпенділер қоғамы, юэчжи және ғұндар, көшпi-қон, қытай жылнамасы, археологиялық материалдар, мәдениет, әлемдік жүйелер теориясы.

Аннотация. Негізгі мақсаты Қазақстан тарихының ежелгі және ерте ортағасырлық кезеңдердегі Еуразия құрлықтық бөлігінде бірқатар трансформацияға әкелген юэчжи мен ғұндардың көшпi-қон мәселесі.

Зерттеудің әдіснамалық негізі әлемдік жүйелік теориясы, «мәдени топтардың» теориясы, жазбаша дереккөздерін деректамалық талдау болып табылады. Бұл нақты тарихи, салыстырмалы, жүйелеу және синтездеу кезінде пайдаланылған әдістер, сыни талдау.

Еуразия ішкі кеңістіктер кең аумағында құрылған Орталық Азия халықтарының мәдениеті әлемдік өркениеттің дамуына үлкен әсер етті. Мәдениетаралық өзара іс-қимыл үшін ең маңызды фактор көшпi-қон процесі болып табылады. Халықтардың құрлықтық көшпi-қоны халықтырдың шығуы мен мәдениеттің пайда болуының қайнар көзі, дүниежүзі тарихындағы көптеген саяси, экономикалық және әлеуметтік оқиғалар, сондай-ақ әр түрлі құрлықтарда көптеген адамдардың байланысын қамту көп этногенездің және мәдени генезисі көздерін анықтаудың ғылыми мәселесі болып табылады.

Зерттеу нәтижесі ежелгі және ерте орта ғасырдағы юэчжи мен ғұндардың көшпi-қоны Еуразия дала аймағындағы экологиялық өзгерістер, экономикалық, демографиялық, саяси және ұйымдастырушылық өзгеруі трансформация процесіне байланысты ішкі және сыртқы факторлардың өзара әсер ету негізінде тұжырымдалды. Көшпенділердің көшпi-қоны әлемдік тарихи оқиғаларда шешуші рөл атқарды.

Алынған нәтижелерді Қазақстан мен көрші елдердің тарихы бойынша аналитикалық жұмыстар барысында пайдалануға болады. Нәтижелерін қолдану ауданы тарихи, деректану және археологиялық талдау саласы болып табылады.

Сведения об авторе

Торланбаева Кенже Ускенбаевна, д.и.н., ГИС, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК.

Torlanbayeva K.U. Doctor of historical sciences, Leading Research Associate

To history of transformations and migrations in ancient and medieval history of the Central Asia

Поступила 11.09.2015 г.